

С **Виталием ТАРАСОВЫМ** (1923—1977) я познакомился, когда в 1940 году он играл в Москве в турнире кандидатов в мастера. Родом из Сибири, из Омска, кандидатом в мастера стал совсем юным. Я в то время уже окончил первый курс юридического института, стал его чемпионом, а старшекурсники-шахматисты желали, чтобы среди новых первокурсников пришли сильные шахматисты и, команда института стала покрепче.

Собираясь написать эти строчки о Виталии, я поймал себя на мысли, что хочу вспомнить два эпизода, изображающими меня в благоприятном свете. И решил не скромничать вот по какой причине. Авторитетные гуманитарии, как мне помнится, утверждают, что когда автор пишет какое-либо произведение, то вне зависимости от жанра он пишет о себе, свой портрет, так сказать. К

тому же мой шахматный друг и литератор Виктор Хенкин, прочитав как-то мое сочинение о Петре Романовском, которое приведено в этой книжке, сказал, что в сочинении больше обо мне, чем о Романовском. Я не стал спорить и, сославшись на мнение авторитетов, сказал, что это нормально. Есть, конечно, в моей памяти эпизоды, в которых я выгляжу неважно, но делиться ими желания не испытываю. Уверен, что в этом я не одинок.

Итак я, перворазрядник с баллами, предложил товарищам, руководившим шахматными делами в институте, похлопотать, чтобы Виталия приняли в институт, хотя прием заявлений завершился и шли приемные экзамены. Все они уладили, и Виталий в институт поступил. В очередном первенстве мы уже делили первое-второе места, сделав между собой настоящую, а не договорную ничью. Естественно, я уже утратил положение местного Капабланки. Положительное в своем поведении вижу то, что я ничуть о содеянном не жалел. Стало быть, не было в данном юноше (то есть во мне) тщеславия или же подобия карьеризма. А это, согласитесь, хорошо, хотя и не способствует высшим шахматным и прочим достижениям.

Виталий обладал хорошими способностями. Он имел позиционное чутье. Военные годы прервали его шахматный рост, но после демобилизации он, осев в солнечной и виноградной Молдавии, неоднократно побеждал в чемпионатах республики. В 1949 году стал мастером. Семь раз играл в полуфиналах первенства СССР, дважды в финалах. В 1960 году завоевал звание чемпиона РСФСР.

Играл достаточно много и, можно сказать, небезуспешно. Но вот виноградная Молдавия, вероятно, повлияла на его шахматную карьеру, да и жизнь тоже. Не впрок пошел «виноград». А когда он перед войной учился на первом курсе, а я на втором, ввели в институтах свободное расписание. Хочешь — ходишь на лекции, а хочешь — не ходишь. Ввели тогда платность обучения, а свободное расписание давало возможность студентам подрабатывать. Нередко мы с Виталием во время лекций, найдя свободный кабинет, играли блиц. А иногда валяли дурака в баскетбол в спортивном зале. Он был скромного поведения, не курил, не пил, за девушками не ухлестывал... Когда позднее, после войны, он изменился, меня это несколько удивило.

Второй эпизод, который мне приятно вспомнить, случился в первенстве «Спартак» в 1950 году на Рижском взморье. Виталий в партии со мной пожертвовал фигуру и категорически объявил:

«Мат в четыре хода». Я видел, что комбинация с «дырой» и спокойно ответил, взяв пожертвованную фигуру: «Если можешь, то валяй...» И тут Виталий схватился за голову.

Тогда Ефим Столяр, ленинградский мастер, в то время кандидат, мне рассказал, что Толуш в аналогичном случае ответил гораздо элегантнее: «Прошу исполнить!»